

ПЕРЕВАЛОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА

**ОБСКИЕ УГРЫ И НЕНЦЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
ЭТНИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ**

Специальность — 07.00.07 — этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург — 2017

Работа выполнена в Отделе археологии и этнографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН).

Научный консультант:

Головнёв Андрей Владимирович
д-р ист. наук, член-корреспондент РАН

Официальные оппоненты:

Зуев Андрей Сергеевич
д-р ист. наук, профессор, директор
Гуманитарного института, Федеральное
государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный
исследовательский государственный
университет»;

Октябрьская Ирина Вячеславовна

д-р ист. наук, доцент, вед. науч. сотр. отдела
этнографии, Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки Институт
археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук;

Романова Екатерина Назаровна

д-р ист. наук, зав. сектором этнографии народов
Северо-Востока России, Федеральное
государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии
наук.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова».

Защита диссертации состоится 26 декабря 2017 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конф.-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и на официальном сайте Института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан «___» сентября 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, д-р ист. наук

С. В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность исследования

С древности история актуализировалась сюжетами этничности и власти, и уже у Геродота взаимодополняющее описание обычаев народов и деяний правителей было ключом к пониманию эпохи греко-персидских войн. С тех пор значимость этих сюжетов ничуть не снизилась, а игнорирование стратегами национальной политики традиций и потенциала этничности приводит к вспышкам национализма и обострениям межнациональных отношений, что драматично проявилось, например, в «параде суверенитетов» постсоветской России и зримо выражается в глобальных и локальных этнополитических и этноконфессиональных конфликтах (Балканы, Кавказ, Ближний Восток, Украина).

История России теснейшим образом связана с колонизацией огромных евразийских пространств и практикой управления местными народами. В ходе колонизации Севера, Урала и Сибири в состав России вошли районы, существенно отличающиеся друг от друга географически и этнически. Урало-Западносибирский регион, в этническом отношении представленный в таежной полосе в основном уграми (хантами и манси), а в тундровой — самодийцами (ненцами), был не только «воротами в Сибирь», но и полигоном испытания методов и стратегий административного регулирования межэтнических отношений. Как на рубеже XVI–XVII вв. здесь отрабатывались приемы колонизации и установления контактов с сибирскими народами, так и на рубеже XX–XXI вв. Югра и Ямал выступали опытными площадками по выработке принципов и правовых норм взаимодействия власти, промышленных компаний и коренного населения. В этом смысле Урало-Западносибирский регион — не частный случай, а очаг первых контактов, проб и ошибок, по опыту и образцу которого складывались и тиражировались позднейшие взаимодействия на пространстве всей Северной Азии. Здесь в наиболее яркой форме выразились, с одной стороны, противоречия контактных отношений, с другой — особенности их урегулирования в рамках общей политической системы.

Сегодняшние формы и способы этнокультурного взаимодействия на Урало-Западносибирском пространстве коренятся в многослойном комплексе идентичностей, этнодипломатии и государственной этнополитики, сформировавшемся на протяжении многих столетий. Этот комплекс преобразовывался под воздействием миграционных, экономических, идеологических и политических процессов, обобщенно называемых этапами российской (российско-имперской) колонизации, советизации и постсоветской демократизации. В ходе этих преобразований менялись системы коммуникаций, очертания административных и государственных границ, ареалы расселения, ментальные ориентиры и поведенческие стратегии народов и их элит. Анализ исторического опыта различных типов и моделей взаимодействия

этнических сообществ и власти актуален и для изучения механизма взаимодействия народов в прошлом, и для осмысления исторического фона современного диалога народов и культур.

Объектом исследования выступают обско-угорские (ханты и манси) и самодийские (тундровые и лесные ненцы) народы Урало-Западносибирского региона в их контактах с Российским государством и другими народами в контексте истории XVI–XXI вв.

Предметом исследования являются этничность и власть в их взаимосвязи и взаимозависимости. В рамках предметного поля выделяются:

- этноистория субъектов, форм и институтов власти в диалоге метрополии и автохтонных сообществ;
- внутриэтнические особенности социальной иерархии, традиций управления и лидерства в разные эпохи этноистории;
- стратегии этноэлит в генерировании и поддержании этнической идентичности в ходе русско-российской колонизации, советизации и социально-политических трансформаций постсоветского времени.

Цель исследования. В заголовке диссертационной работы вынесены центральные категории двух дисциплин — этнологии и политологии — «этничность» и «власть». Вместе с тем данное исследование относится преимущественно к области этнической истории, поскольку главная его цель состоит в изучении действующих лиц, событий и сценариев взаимодействия этнических сообществ и власти на конкретном этнографическом материале (обские угры, тундровые и лесные ненцы) в исторической динамике и современных проявлениях.

В этом ракурсе определяются **задачи** исследования:

1. Характеристика форм, функций и традиций власти в обско-угорском и самодийском обществах на основе фольклорных, этнографических и исторических источников;
2. Выявление обстоятельств (факторов, мотивов, действующих лиц) преобразования облика власти в ходе этнической истории XVI–XXI вв.;
3. Создание этнокультурных «портретов» этнических лидеров разных эпох, анализ их мотивационно-деятельностных схем и роли в генерировании, поддержании этничности и смене идентичностей;
4. Определение сфер этничности (этнокультурного комплекса), в наибольшей степени связанных с властью и управлением и претерпевающих изменения под воздействием политических и политико-административных процессов;
5. Выявление форм и обычаев межэтнического диалога (этнодипломатии) и его значения в межнациональных контактах и конфликтах;

6. Мониторинг взаимодействия этничности и власти в условиях современности (регионализация и активизация этничности, вариативность и ситуативность проявления этничности, актуализация этнокультурного наследия);
7. Определение ценностных ориентаций современных этнических лидеров (персональные мотивы, социальные позиции) и особенностей их деятельностных стратегий сохранения этнической идентичности (этнопроекты и инициативы, активизирующие наследие и потенциал этнической общности).

Хронологические рамки исследования охватывают период с XVI до XXI вв. Нижняя граница (XVI в.) обусловлена началом широкой русской (российской) колонизации Урала и Северо-Западной Сибири. Выделение трех этапов связано, главным образом, с изменением основных факторов и содержания внешнего воздействия: (1) XVI — начало XX вв. — выстраивание и развитие межэтнического диалога в период русско-российской колонизации; (2) 1917 — начало 1990-х гг. — советизация и соответствующая трансформация этничности и власти; (3) 1990-е гг. до настоящего времени — демократические преобразования в России и современные тенденции отношений этничности и власти.

Географические (территориальные) рамки исследования определяются пространством расселения обских угров (хантов и манси) и самодийцев (тундровых и лесных ненцев) в Северо-Западной Сибири и на Северном Урале. В административном отношении эта территория в основном входит в состав Уральского федерального округа (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, частично Свердловская область).

Широкий пространственно-временной диапазон исследования дает возможность показать многообразие, определить закономерности и механизмы политических и социальных явлений и процессов, имеющих этническую специфику. Аналитический обзор различных сценариев межэтнического диалога и наблюдение за стратегиями этнических элит и лидеров позволяют представить феномены этничности и власти в различных формах и проявлениях на разных этнических моделях (ханты, манси, ненцы), рассмотреть истоки и конкретно-исторические особенности элитообразования (формирование, функционирование, этническая специфика), факторы смены этнических элит, мотивы изменения их конфигурации и стратегий, современные тенденции (этноконцепции и этнопроекты этнических лидеров).

Методология исследования: междисциплинарный дискурс

В контексте происходящих глобальных политических, конфессиональных и социокультурных процессов соотношение этничности и власти остается, пожалуй, самой актуальной темой для исследований как в теоретическом, так и в эмпирическом измерениях, в том числе в русле диалога этнических сообществ, их элит и государства.

Сегодня триада этничность–власть–элита составляет теоретическое поле и предметную область сразу нескольких дисциплин — политической антропологии / антропологии власти, этнополитологии и элитологии и представляет собой один из наиболее ярких примеров междисциплинарного дискурса (показательно, например, что широкое употребление понятия «этичность» инициировано не антропологами и этнологами, а политологами Н. Глейзером и Д. Мойнихэном).

Развернувшаяся в западной антропологии и социологии в 1960–1970-х гг. дискуссия о феномене «этичность» была подхвачена российскими этнологами в конце 1980 — начале 1990-х гг. Противостояние разных теоретических парадигм в ходе дискуссии о природе и сущности этничности в отечественной этнологии привело к господству конструктивистских взглядов при робком отстаивании своих позиций сторонниками примордиалистских воззрений. Вместе с тем из числа установок примордиализма актуальными представляются утверждения о том, что этничность одновременно изначальна и ситуативна, ей свойственны текучесть и бесконечность трансформации (П. ван ден Берге); в этноистории, в том числе нациестроительстве, существенную роль играют историческая память и мифология (Э. Смит); сегодняшняя стойкость этничности объясняется, с одной стороны, нежеланием раствориться в потоке глобализации, с другой — отстаиванием прав на изменчивость своего жизненного контекста (Т. Эриксен).

В теоретических построениях конструктивистов тесно переплетены понятия «этичность», «власть» и «элиты». Ф. Барт значимое место в манифестации групповой идентичности отводил межэтническому взаимодействию и «новым элитам», деятельность которых направлена на кодификацию идиом (конструирование символов групповой идентичности). Б. Андерсон, П. Бергер, Т. Лукман, Э. Хобсбаум и др. представляют этничность как созданную элитными группами общества (политиками, интеллектуалами) реальность и фактор/инструмент нациестроительства и национализма. Лидеры российских конструктивистов (С. В. Соколовский, В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев и др.) определили этничность как социально-организационный феномен и способ структурирования социального пространства, ключевую роль в конструировании которой играет политика этнического предпринимательства.

А. В. Головнёв представляет примордиализм и конструктивизм не взаимоисключающими, а взаимодополняющими концепциями-измерениями. Примордиализм отстаивает исконность народа и «его устойчивость во времени» («черереде поколений»), конструктивизм открывает «деятельностный горизонт этничности», в котором народ предстает не статичной данностью, а живым явлением. В версии примордиализма «народ» — объективная реальность, и задача науки заключается в воссоздании его истории и праистории; в версии конструктивизма нация — воплощенный миф, и задача науки состоит в выявлении акторов и технологий этого воплощения. Феномен «этичность» рассматривается как «постоянно

генерируемое явление», живой механизм (и код) социальности, «в котором реализуется общность взаимопонимания, коммуникации и безопасности»; особенно остро она проявляется в измерениях внутреннего единения и внешнего диалога, позициях лидеров, балансирующих на пограничье внутри- и внеэтнических ценностей и интересов.

В 1970-х гг. на Западе благодаря разработкам П. Ван ден Берге, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и др. сформировалась самостоятельная научная дисциплина — этнополитология, наука о политических функциях этничности и политическом взаимодействии государства и этнических сообществ. В отечественную науку политико-антропологическую проблематику ввел советский африканист Л. Е. Куббель, заметный вклад в разработку ее теоретических и практических проблем внесли С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижина, А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Тишков, В. А. Шнирельман, С. В. Чешко и др. Сегодня интересы исследователей, по мнению Н. Н. Крадина, концентрируются вокруг социобиологии власти (М. Л. Бутовская, В. В. Дольник), типологии ранних форм лидерства (О. Ю. Артёмова, А. А. Казанков), многолинейной эволюции сложных обществ и происхождения государства (Ю. Е. Берёзкин, Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, В. А. Попов, Т. Д. Скрынникова), изучения традиционной и посттрадиционной власти и их идеологии (В. В. Бочаров, В. А. Попов и др.), трайбализма и патронажно-клиентных отношений (М. Н. Афанасьев), этнокультурных факторов власти и этнических конфликтов в различных регионах России и странах СНГ (В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев и др.).

В соотношении этничности и власти ключевая роль отводится элитам. Классические теории элит (Н. Макиавелли, Р. Михельс, Г. Моска, В. Парето) послужили основой для формирования целого ряда элитарных теорий и концепций (Дж. Бернхэм, М. Вебер, Т. Веблен, Л. Н. Гумилев, Н. Я. Данилевский, П. А. Сорокин, А. Тойнби, З. Фрейд, Э. Фромм и др.). Среди современных зарубежных исследований элит существует большое количество научных направлений и подходов, однако, по словам ведущего исследователя элитизма Д. Хигли, в мировой политической науке господствуют две базовые элитологические доктрины: иерархическая (Р. Миллс) и полиархическая (Р. Даль).

В России «теория элит», или элитология, названная «наукой XX и XXI веков», оформилась в самостоятельное научное направление, оставаясь одним из междисциплинарных полей общественных наук. Ее теоретические и практические аспекты разрабатывают политологи и философы (Г. К. Ашин, О. В. Крыштановская, А. К. Магомедов, А. П. Панарин, А. В. Понеделков и др.), социологи и психологи (Л. М. Дробижина, З. В. Сикевич, Г. У. Солдатова и др.), этнологи (Э. Ф. Кисриев, В. А. Тишков, Л. Л. Хопёрская, Ю. П. Шабаев и др.), археологи (П. К. Дашковский, С. А. Васютин, Н. Н. Крадин, С. А. Яценко и др.).

В соотнесении этничности и власти российские исследователи исходят, с одной стороны, из видения природы этничности и этнического конфликта: для окрепших за годы советской власти и демократических преобразований этнических элит (рационально мотивированных менеджеров) этническая компонента стала главным фактором и инструментом формирования собственных позиций и козырной картой в политической игре (этнизация политической элиты, этнократия власти) (В. А. Тишков и др.); с другой, — рассматривают политическую элиту как реальную силу, отстаивающую интересы народов и этнических групп, превратившихся из «субъектов культуры» советского времени в «субъекты политики» 1990-х гг. и трансформирующихся в «субъекты права» в сегодняшних общемировых и общероссийских реалиях (Л. Л. Хопёрская). Представителями ростовской элитологической школы (А. В. Понеделков, А. М. Старостин) выдвигается тезис о равномерности и однотипности развития этнических элит регионов России и их огромном значении в процессе регионализации. Последователи социокультурного подхода (Л. М. Дробижева, З. В. Сикевич) сосредоточены на изучении этничности как социокультурного комплекса, обладающего мобилизационным потенциалом, но располагающего относительной автономностью от политики. В работах социально-психологического направления (Г. У. Солдатова) отмечается, что главный «энергетический» потенциал полиэтничной России сохраняется за титульными народами и ключевую роль в этномобилизационных процессах играют лидеры и активисты национальных движений.

В целом, теоретико-методологический контекст диссертационного исследования составили работы крупнейших российских и зарубежных этнологов по исследованию феномена этничности (С. А. Арутюнов, Ф. Барт, П. ван ден Берге, А. В. Головнёв, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, С. В. Соколовский, В. А. Тишков, В. А. Шнирельман и др.) и нациестроительства (С. А. Арутюнов, Б. Андерсон, П. Бергер, М. Вебер, Т. Лукман, Э. Смит, В. А. Тишков, Э. Хобсбаум, Т. Эриксен и др.). В основу авторских изысканий легли классические (В. Парето) и современные (Д. Хигли) теории элит, новейшие научные разработки в области политического взаимодействия государства и этнических сообществ, этнокультурных факторов власти (Л. М. Дробижева, А. В. Понеделков, Г. У. Солдатова, В. А. Тишков, Л. Л. Хопёрская, В. А. Шнирельман и др.). В этноисторических построениях исследование опирается на исторические и антропологические теории колонизации (С. В. Бахрушин, А. В. Головнёв, А. С. Зувев, В. О. Ключевский, М. К. Любавский, Ю. Л. Слѣзкин, В. В. Трепавлов, Дж. Форсайт, В. И. Шунков и др.).

Этноисторический аспект диссертационного сочинения определил выбор *методологических подходов*:

1. Разноаспектное применение *сравнительно-исторического* метода дает возможность сопоставления политических и культурных стратегий и практик на примере разных этнических общностей (тундровые и лесные ненцы, ханты и манси) и административно-территориальных субъектов (Ямало-Ненецкий а. о., Ханты-Мансийский а. о. — Югра, Свердловская область).

2. Совокупное использование *системного* (структурный, функциональный и исторический аспекты) и *ретроспективного* подходов предполагает изучение этничности и власти через призму связей и отношений, позволяет представить их всесторонне и целостно в широком пространственно-временном контексте (от реконструкции к прогнозированию) на конкретных этноисторических материалах.

3. Метод *феноменологического анализа* позволяет оценить события и явления в контексте их роли и значения изнутри культуры, с позиции того сообщества и применительно к тому периоду времени, где и когда эти события происходили. Это дает возможность выявить реальный диалог народов и их элит в ходе контактов и конфликтов, избегая произвольных оценок и подведения под один ранжир всей этноистории и истории власти.

4. Из арсенала *визуальной антропологии* используются подходы, полезные и эффективные для создания образов народов и их лидеров.

Методологическое ядро исследования образует разработанная А. В. Головнёвым «антропология движения», дающая возможность по-новому рассмотреть природу этнополитических и этнокультурных образований и отношений, исторические основания и сегодняшние реалии этничности и власти. Оригинальная методология позволяет представить этноисторию самодийского и угорского населения Западной Сибири и Урала в сценариях мотивации–действия, во взаимодействии мобильных магистральных и устойчивых локальных культур, в динамике миграций и колонизаций, в дрейфе этничности и изменении схем контроля над социальным пространством. Этнографический обзор ориентирован на выявление, с одной стороны, этнически «активных» сфер и компонентов культур, с другой, — областей жизнедеятельности, в которых происходит интенсивный межкультурный обмен и межэтнический диалог. Для обобщения конкретных практик межэтнических отношений используются понятия «этнодиалог» и «этнодипломатия» как обозначение схем и сценариев регулирования контактов и конфликтов между различными этническими сообществами. Сценарный подход, фокусирующийся на ключевой роли мотивов (мотивационизм) в деятельности этнических элит, и визуализация, служащая средством конкретизации и верификации сценариев, дают возможность сочетать общую историко-этнографическую панораму с детализацией и персонификацией событий и явлений. Метод «крупного плана» в исторических реконструкциях нацелен на воссоздание ценностей и атмосферы исследуемой

эпохи *in situ* и рассмотрение жизненной ситуации, культуры, политики глазами персонажа (персонификация этноистории).

Источниковая база

Основным источником подготовки диссертационного сочинения послужили полевые материалы автора, собранные в ходе многолетних экспедиционных исследований среди обско-угорского и самодийского населения Западной Сибири и Урала. С 1984 г. автору довелось провести полевые изыскания среди нижеобских (рр. Сыня, Войкар, Сось, Сосьтыюган, Куноват, Полуй, Малая и Большая Обь, Полярный Урал), восточных и южных (рр. Демьянка, Салым, Большой и Малый Юган, Пим, Тромъеган, Аган, Вах) хантов, северных, западных и восточных манси (рр. Северная Сосьва, Ляпин, Обь, Лозьва, Конда), тундровых и лесных ненцев (п-ов Ямал, рр. Пур, Аган). Маршруты экспедиций охватили ареалы компактного и смешанного проживания коренного (обские угры, сибирские ненцы), старожильческого (коми-зыряне, русские) и пришлого (татары, украинцы, белорусы, народы Кавказа, турки) населения, характеризующиеся разными этнополитическими и этнокультурными ситуациями.

В исследовании использованы материалы центральных и региональных архивов: Российского государственного архива древних актов (Москва), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Русского географического общества (Санкт-Петербург), Государственного архива в г. Тобольске, Государственного архива Свердловской области (Екатеринбург), Государственного архива Омской области (Омск), Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (Тюмень), Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (Ханты-Мансийск), Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа (Салехард).

В значительной мере круг источников расширен за счет материалов фондовых собраний российских музеев: Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Государственного исторического музея (Москва), Свердловского областного краеведческого музея (Екатеринбург), Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (Тобольск), Тюменского областного музея изобразительных искусств (Тюмень), Омского музея изобразительных искусств (Омск), Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского (Салехард), Природно-этнографического комплекса «Горнокнязевск» (Приуральский р-н ЯНАО), Шурышкарского районного музейного комплекса (Шурышкарский р-н ЯНАО), Музея природы и человека (Ханты-Мансийск), Музея истории и этнографии г. Югорска (ХМАО), Этнографического парка-музея с. Варьёган (Нижневартовский р-н ХМАО), Ивдельского историко-этнографического музея (Свердловская обл.).

Для анализа общей этнополитической ситуации XVI–XIX вв. привлекался комплекс архивных источников по истории российской колонизации: материалы «ревизских сказок» (переписи 1782–1858 гг.), позволяющие получить представление об этническом составе и тенденциях этнических процессов, административно-волостной структуре и династических линиях угорской и самодийской элит; законодательные, публично-правовые и нормативно-правовые акты светских и духовных властей, документы служебного делопроизводства (шерти, царские указы и жалованные грамоты, именные указы, грамоты и наказы сибирским воеводам, рапорты, отписки и доношения местной администрации, «сыски», судебные разбирательства, челобитные и прошения), дающие богатый материал о политике российской империи в области правового, административного и податного устройства туземного населения Урало-Западносибирского региона.

Важным источником для ретроспективных построений послужили древнерусские летописи, материалы картографии, путевые наблюдения и записки (письма, дневники, описания, отчеты) путешественников и ученых XVII–XVIII вв. В диссертационной работе также используются опубликованные летописные, картографические и документальные материалы из собраний Археографической комиссии, Г. Ф. Миллера, А. А. Титова, А. И. Андреева, а также публикации архивных источников в современных сборниках документов.

Основу для характеристики отношений власти (государства) и коренных народов Севера в советскую эпоху составили законодательные акты, постановления, распоряжения партии и правительства, документация советского делопроизводства 1917–1970-х гг., документы, публикации и материалы экспедиционных исследований Комитета Севера при ВЦИК и его региональных отделений, следственные дела о репрессиях и судьбах репрессированных 1930–1950-х гг., воспоминания очевидцев и региональные Книги памяти, материалы периодической печати, произведения национальной (этнической) литературы и искусства.

Базовыми для исследования современных этнических и этнополитических процессов стали международные, федеральные, региональные законодательно-нормативные акты и документы; документация окружных и районных администраций, общественных организаций и институтов; материалы средств массовой информации (периодическая печать, интернет-ресурсы), интервью с представителями законодательной и исполнительной власти округов и муниципалитетов, общественных движений и ассоциаций, материалы публичных дискуссий, мониторингов этнополитических, этнокультурных и образовательных проектов.

Помимо полевых и архивных (документальных) материалов в диссертации широко представлены фольклорные (героические сказания, легенды, предания, рассказы, биографические нарративы) и разноплановые визуальные источники (карты, рисунки, фотографии, региональная символика, бренды).

Историография

Начало систематизированного изучения этнической истории и этнографии коренного населения Северо-Западной Сибири было положено участниками Академических экспедиций 1733–1743 гг. и 1768–1774 гг. Масштабный государственный проект развивался в двух направлениях: этноисторическом (Г. Ф. Миллер, И. Е. Фишер) и этнографическом (П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, И. Г. Георги, И. И. Лепехин и др.). Привлечение огромного фонда архивных документов позволило Г. Ф. Миллеру создать неповторимый по насыщенности и значимости исторический труд. Между тем ставшая фундаментом сибиреведения «История Сибири» полна этноисторическими данными о войнах, распрях и союзах, участниками которых были самоедские вожди, остяцкие и вогульские князья. В «Описании сибирских народов» Миллер выступает как этнограф-систематик, уделяющий большое внимание этнополитическому и политико-правовому аспектам.

П. С. Паллас и И. Г. Георги открыли Сибирь в русле народоведения. Их сочинения богаты не только колоритными описаниями, но и содержат систематизированные данные о многочисленных народах и культурах огромной империи. Описания П. С. Палласа и его ученика В. Зуева включают сведения о расселении и этнокультурных особенностях разных племен и групп, о формах управления и степени влияния колонизации (остяцкие и вогульские «городки» и «князья», закрепившиеся в административных практиках клятвы и присяги на верность государю, получение титулов по государевым жалованным грамотам). И. Г. Георги впервые в науке была представлена этническая панорама Российской империи, где с особой скрупулезностью описаны социальная организация и управление североазиатских туземцев, включая вогулов, остяков и самоедов.

В первой половине — середине XIX в. появляются известия о сибирских народах, основанные на личных долговременных контактах представителей российской власти с туземной элитой. Штаб-лекарь В. Н. Шавров подробно описывает «собственное управление самоедов». Член врачебной управы Ф. Белявский рассуждает о происхождении самоедов и северных остяков, природе остяко-самоедских конфликтов, отношениях туземной элиты с российскими монархами, традициях и практиках административно-фискального управления (ясак, «медвежья присяга»); яркие словесные «портреты» остяко-самоедской элиты дополнены изображениями (рисунками). Обдорский заседатель Ю. И. Кушелевский приводит ряд сюжетов из этнической истории северных остяков и самоедов Северного Приобья и уделяет особое внимание обычному праву инородцев.

Самая первая статья, посвященная непосредственно туземной элите, принадлежит исследователю-краеведу Н. А. Абрамову, отметившему особое положение обдорских князей

Тайшиных и куноватских князей Артанзеевых. В его труде «Описание Березовского края» (1857) содержатся сведения о союзе обдорских остяков и самоедов, совместно выступавших против крещеных остяков и православных миссионеров. Выражая официальную позицию церкви, протоиерей А. И. Сулоцкий подробно описал миссионерские экспедиции Филофея Лещинского (Феодора) к сибирским язычникам, уделив пристальное внимание приведению в православную веру князьков и хранителей языческих культов и освещению деятельности православных миссий Березовского края.

В середине XIX в. появляется ряд работ, содержащих ценные материалы по этнической истории обских угров и самодийцев, включая свидетельства личных встреч с туземной элитой. Дневники урало-сибирского путешествия М. А. Кастрена (1841–1849) известны не только открытиями в области языкознания, но и размышлениями о религии и нравах, образе жизни финно-угорских и самодийских народов. По его мнению, «любовь ко всему роду» северных остяков и самоедов составляет главную причину единения, а лежащие в его основе родство по происхождению, экзогамия и взаимопомощь закреплены «общим идолослужением». Большое внимание исследователь уделяет влиянию на северных туземцев зырянско-русской и российской колонизации, подмечает важные моменты этнической истории, включая мотивы и стратегии элит в вопросах войны и мира. Академик А. Ф. Миддендорф в поездке на Север Сибири (1842–1845) и участники первой экспедиции РГО на Урал М. А. Ковальский и Э. К. Гофман (1847–1850) собрали сведения о системе фиска, роли князей Тайшиных в управлении северными остяками и самоедами, «медвежьей присяге» и других особенностях административных практик.

Своего рода визуальное этноисторическое повествование об управлении сибирскими инородцами предложено тобольским художником М. С. Знаменским, дважды побывавшим на севере Западной Сибири (1863/1864, 1866). Его кисти принадлежит более двух десятков портретов туземной элиты и сюжетных рисунков, характеризующих систему властных отношений метрополии и сибирской колонии (развитие визуального народоведения И. Г. Георги и презентации туземной элиты Ф. Белявского). Из экспедиции на Обь (1876) зоолог И. С. Поляков привез, помимо этнографических коллекций, серию фотографий, среди которых несколько снимков североостяцких князей и самоедских старшин в парадных костюмах и обыденных одеждах. Итальянский натуралист и антрополог С. Соммье, гостивший в резиденциях североостяцких князей Артанзеева и Тайшина (1880), подробно описал встречи с ними и указал на подобострастие ко всему, что связано с властью и образом русского царя.

Содержательным дополнением к этноисторической картине Обдорского края стала книга В. В. Бартенева «На крайнем северо-западе Сибири», основанная на собственных наблюдениях автора. К этому же разряду работ можно отнести исторический очерк «Обдорск», сочиненный выходцем из ненецкого рода Югомпелик священником В. С. Герасимовым. В продолжение

традиции Н. А. Абрамова, во второй половине XIX в. было издано несколько статей об остяцких и вогульских (обдорских, куноватских, кодских и пелымских) князьях (Т. Попов, Н. Н. Оглоблин).

Среди этнографических работ конца XIX — начала XX в. особо выделяются труды С. К. Патканова. Уникальное собрание былин и героических сказаний, рисующее картины «стародавней жизни остяков» и их богатырей, выступавших вождями в военных походах, междоусобных и межэтнических (угорско-самодийских) конфликтах, остается непревзойденным по насыщенности и иллюстративности сводом фольклорных сведений. Паткановым впервые рассматриваются вопросы традиционной политической организации («род», «богатырь», «князь», «княжество», «городок», «волость», «рабы») и политической культуры (война как поход за женщинами, воинское снаряжение, упражнения и ритуалы, способы и тактики ведения войны, военные союзы) угорского сообщества дотатарского и дорусского времени. Анализируя фольклорные материалы, Патканов обнаружил, что в остяцком героическом эпосе нашли отражение многие черты жизни угорского общества II тыс. н. э.

В советскую эпоху складываются новые подходы в изучении колонизации Сибири и населяющих ее туземных народов. В исследованиях этнической истории урало-сибирских народов формируются три основных подхода: исторический (С. В. Бахрушин), этногенетический (В. Н. Чернецов), этноисторический (Б. О. Долгих). Обстоятельный анализ архивных источников позволил С. В. Бахрушину воспроизвести историческую картину средневековых вогульских и остяцких княжеств XV–XVII вв. и дать им развернутую характеристику (внутренняя организация, внешние связи, портреты этнополитических лидеров). Привлечение новых архивных источников позволило историкам (Е. В. Вершинин, Е. М. Главацкая, В. А. Зибарев, А. Ю. Конев, Н. А. Миненко, А. Г. Нестеров, И. И. Огрызко, А. Т. Шашков и др.) и специалистам в области средневековой археологии (А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров, П. А. Корчагин, В. М. Морозов, С. Г. Пархимович, Н. В. Фёдорова и др.) вернуться к дискуссии об «остяковогульском феодализме» и сюжетам политической истории Северо-Западной Сибири накануне и в ходе русско-российской колонизации.

Традиции этногенетического и этноисторического подходов продолжали активно развиваться в работах этнографов-сибиреведов. Ранние этапы этнической истории обских угров рассматривались угроведами в ракурсе формирования дуально-фратриальной организации Пор и Мось (В. Г. Бабаков, П. Верещ, А. М. Золотарёв, Е. П. Мартынова, З. П. Соколова, Е. Г. Фёдорова, В. Н. Чернецов, В. Штейниц). Исследователи самодийских народов выстраивали свои этногенетические и этноисторические концепции, исходя из приверженности к «южной» (Б. О. Долгих, В. И. Васильев, Л. В. Хомич) или «северной» (А. В. Головнёв) гипотезам их происхождения. Большое внимание этнографы уделяли формированию и этнической специфике

отдельных территориальных и локальных групп обских угров (Р. К. Бардина, В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Е. П. Мартынова, А. И. Пика, Е. В. Перевалова, З. П. Соколова, Е. Г. Фёдорова и др.) и самодийцев (В. И. Васильев, Г. Д. Вербов, А. В. Головнёв и др.). В работах этнологов рассматривались разные аспекты этнической истории и межэтнического взаимодействия обских угров, самодийцев и русских в контексте российской колонизации (А. В. Головнёв, Н. В. Лукина, А. А. Люцидарская, Е. П. Мартынова, В. В. Напольских, Е. В. Перевалова, З. П. Соколова, Е. Г. Фёдорова и др.). На конкретных этноисторических самодийских и угорских материалах феномен «этничность» анализировала американский антрополог М. М. Балзер (ханты), «вождество» — Е. П. Мартынова (ханты, манси), «лидерство» — А. В. Головнёв (ненцы, селькупы, ханты, манси) и Е. Г. Фёдорова (манси). Вопросы формирования этнической, этноконфессиональной и региональной идентичностей рассматривали Е. М. Главацкая (обские угры), А. В. Головнёв (самодийцы, обские угры), Е. П. Мартынова (ханты), Е. А. Пивнева (обские угры), Е. Т. Пушкарева (ненцы, ханты). Культово-ритуальные аспекты культуры обских угров и самодийцев представлены в работах А. В. Бауло, И. Н. Гемуева, Л. В. Кашлатовой, В. М. Кулемзина, Е. П. Мартыновой, Т. А. Молданова, Т. А. Молдановой, Е. В. Переваловой, П. Г. Турутиной, Г. П. Харючи, Л. В. Хомич и др.

В начале 1990-х гг. этнографическое североведение пополнилось исследованиями по актуальной этнополитике (В. М. Куриков, Н. Г. Хайруллина, Т. Г. Харамзин), деятельности общественно-политических движений и организаций (Е. Ю. Кошелева, А. В. Новьюхов, Ю. П. Шабает), презентации и самопрезентации этнических лидеров (Л. Д. Гладкая, С. Н. Харючи) коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. В постсоветское время изучение соотношения этничности и власти заметно сместилось в правовую сферу. С конца 1990-х гг. как отдельное направление российской этнологической науки обособилась антропология права (В. А. Кряжков, Н. И. Новикова, В. А. Тишков), активно развивающаяся в ракурсе исследований правового поля коренных малочисленных народов, в том числе правовой защиты традиционного природопользования и исконной среды обитания в условиях промышленного освоения северных регионов России (В. А. Кряжков, К. Б. Клоков, Е. П. Мартынова, Е. А. Пивнева, Ю. В. Попков, В. А. Тишков, С. Н. Харючи, Ю. Я. Якель), взаимодействия с нефтяными предприятиями (Н. И. Новикова), практик проведения этнологической и эколого-этнографической экспертиз (А. В. Головнёв, Е. П. Мартынова, Н. В. Новикова, Е. А. Пивнева, З. П. Соколова, В. В. Степанов).

Научная новизна

На урало-сибирском материале применительно к самодийцам и обским уграм соотношение этничности и власти в исторической ретроспективе и современной ситуации (XVI–

XXI вв.) рассматривается впервые. Новизна исследования обеспечивается, во-первых, широким пространственно-временным диапазоном и контекстом, позволяющим установить общие и особенные проявления этничности и власти в разные периоды истории под воздействием различных внешних обстоятельств; во-вторых, применением методов антропологии движения, включая концепты магистральных и локальных культур, мотивационно-деятельностной схемы, дрейфа этничности, метода крупного плана (и сопутствующего инструментария визуальной антропологии).

Новое осмысление темы обеспечивается комплексным междисциплинарным источниковедением. Формирование источникового корпуса осуществляется за счет данных этнографии (авторских полевых материалов), истории (архивных, летописных, картографических источников), визуальной антропологии (рисунки, фотографии), фольклора и мифологии, для характеристики отдельных явлений и сюжетов привлекаются данные археологии и лингвистики. В исследовании предпринимается попытка «этнографического прочтения» (интерпретации) исторического документа. Для создания диалоговой атмосферы активно используются нарративы.

В известной степени исследование этничности и власти выполнено в русле традиционной этноистории. Вместе с тем в сочинении рассматриваются не столько структура и институты традиционной потестарной организации обских угров и самодийцев, функционирование и изменение их в процессе российской колонизации, советизации и современных политических трансформаций (их анализу посвящено значительное количество специальных научных изысканий), сколько вопросы взаимодействия этнических элит с административно-политическими системами метрополии, сценарии выстраивания межэтнического диалога, мотивации политического поведения, использование инструментов власти в формировании этнических идентичностей, акты проявления этничности и мобилизация этноресурса в целях сохранения этнических сообществ, основания и траектории этнолидерства. В обобщениях относительно конкретных практик межэтнических отношений акцентируется внимание на роли элит в генерировании, поддержании и смене идентичностей, на исторических и современных формах диалога культур и проявлениях этничности, трансформации традиций и практик в отношении этнокультурного наследия. Перечисленные ракурсы и аспекты исследования относятся к категории новаций.

Положения, выносимые на защиту:

1. В разные эпохи («имперская», «советская» и «постсоветская») этническая элита, используя свою власть, выступает главным строителем (архитектором) этнической идентичности, равно как этничность (в формах сообществ и связей) представляет собой основное

поле деятельности элит. Этнические элиты являются носителями стратегий и главными акторами и модераторами межэтнических и этнополитических отношений.

2. Контакты между элитами предшествуют контактам между народами, и собственно межэтническим отношениям предшествует период межэлитарных отношений с их конкуренцией, дипломатией, военной стратегией, иерархическим поведением. В периоды государственно-политических преобразований наблюдается смена и/или преобразование этнических элит при сохранении этнической и родственной преемственности.

3. Платформой, объединяющей феномены «этничность» и «власть», у угров и самодийцев неизменно выступает родство и свойство. Этническую основу лидерства у обских угров составляет сеть родственно-свойственных связей, у ненцев — богатство оленями и кочевая мобильность. В традициях лидерства уграм более свойственна элитарность, ненцам — эгалитарность, уграм — устойчивость, ненцам — ситуативность и маневренность.

4. Политическая культура и формы власти этнических сообществ обнаруживают высокую степень изменчивости и адаптивности к внешним воздействиям, главным из которых выступает фактор государства во всех его проявлениях, от колонизации до прямого управления. Кочевая (самодийская) и локальная (угорская) культуры по-разному адаптировались к сходным внешним, в том числе политическим, влияниям. Локальные этнополитические сюжеты имели свою специфику и могут рассматриваться как набор сценариев (моделей) взаимодействия власти метрополии и туземной элиты.

5. Политика метрополии по управлению окраинными народами реализуется главным образом через туземные элиты. Через посредство туземных князей происходило «приращение» земель и расширялась государева вотчина (совершалось огосударствление земель с этнически неоднородным населением), одновременно разрасталась великокняжеская (царская) титулатура. Через «выращивание» (политика коренизации, создание специальных учебных центров) лидеров советского образца из числа «малых народов» проводилась советизация тайги и тундры. В постсоветский период параллельно шли регионализация и становление новых этнополитических элит. Этнический потенциал продолжает активно использоваться в политической борьбе за власть.

6. На пике этнического движения конца 1980-х — начала 1990-х гг. этническая элита политизировалась, закрепились в региональной и федеральной власти, возглавив этнические сообщества в борьбе за права коренных малочисленных народов Севера и конструировании политико-управленческих ниш на уровне округов. Защитным механизмом для нее стало международное право и поддержка со стороны международных организаций и движений.

7. Современные формы лидерства у обских угров и ненцев охватывают все основные сферы жизни — от международной политики и общественных движений до руководства

хозяйственной деятельностью и инициатив по сохранению традиционного образа жизни и возрождению культово-ритуальных практик. Представители элит используют разные этноокрашенные стратегии противостояния политическим, экономическим, социальным вызовам, инициируя общегрупповые и персональные этнопроекты (самореализация «неолидеров»). «Качество» (состояние) этничности находится в прямой зависимости от активности этноэлиты.

Научно-практическая значимость

Осмысление закономерностей этнической истории и опыта исторического прошлого, включая реконструкции этноисторических сценариев в формате соотношения этничности и власти, важны для понимания сегодняшней этнической ситуации, анализа современных практик и механизмов регулирования межэтнических отношений, развития контактов и преодоления конфликтов и в целом прогнозирования этнополитической обстановки в Урало-Западносибирском регионе. Сформулированные в диссертационном сочинении положения могут быть использованы субъектами Уральского федерального округа в разработке стратегий развития регионов (Ямало-Ненецкий а. о., Ханты-Мансийский а. о. — Югра, Свердловская обл.) в сфере этнической и конфессиональной политики, стать эмпирическим материалом для методик обеспечения безопасности в области межнациональных отношений, решения вопросов сохранения и популяризации историко-культурного наследия. Данные предложения могут оказаться востребованными международными организациями (Арктическим Советом, Северным Форумом, Северным исследовательским форумом, Университетом Арктики, финно-угорскими ассоциациями и обществами, федеральными и региональными учреждениями соответствующего профиля) и интегрированы в программы политического и культурного сотрудничества субъектов Уральского федерального округа и других регионов России, стран Арктики и финно-угорского мира.

В научно-практическом плане исследование позволяет выявить исторически сложившиеся традиции совместного проживания и взаимодействия различных народов Российского Севера, что, в свою очередь, помогает найти пути нейтрализации возможных узлов напряженности и определить стратегии безопасности в части межнациональных отношений. Внедрение результатов исследования в практику может способствовать складыванию полноценных диалогов этничности (титulyных народов, общественных организаций и движений) и власти (государственных и региональных властных структур и их этнических представительств), поддержанию представления о важности каждой из этнических культур в формировании целостного культурно-исторического пространства Урало-Сибирского региона и страны.

Диссертационное исследование направлено на всестороннее изучение актуальной и социально востребованной темы, имеющей перспективу использования в разработке целевых программ социально-экономического развития регионов и развитию местного самоуправления. Исследование вопросов элитообразования и влияния этнической элиты на политико-правовое и социально-экономическое развитие регионов значимо при подготовке административно-управленческого персонала и выстраивании системы образования. В работе определяются перспективы сохранения этнокультурной самобытности народов и популяризации их этнокультурного наследия, что, в свою очередь, может иметь коммерческую реализацию при их внедрении в разработку имиджевых проектов отдельных районов и субъектов УрФО, индустрию туризма, проекты музеефикации и создаваемые медиапродукты. Полученные результаты будут востребованы в научно-методической деятельности учреждений культуры, государственных органов охраны культурного наследия, образовательной деятельности высших и средних учебных заведений.

Структура работы

Диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, подразделяемых на параграфы, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений (том 1) и приложения (том 2). Содержание диссертации изложено на 515 страницах, приложение (иллюстрации, список иллюстраций) — 123 страницах.

Апробация

Итоги многолетних исследований автора обобщены в 83 научных публикациях, в том числе одной индивидуальной («Северные ханты: этническая история». Екатеринбург, 2004) и семи коллективных монографиях. По теме диссертации опубликовано 23 статьи в отечественных рецензируемых и зарубежных рейтинговых изданиях (из них 15 статей — в журналах, включенных в перечень ВАК).

Основные положения диссертационного исследования были представлены в докладах и презентациях на международных, всероссийских и региональных форумах: «Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште» (Будапешт, Венгрия, 2009, 2011), IX, X и XI Конгрессах антропологов и этнологов России (Петрозаводск, 2011; Москва, 2013; Екатеринбург, 2015), I–IV Северных археологических конгрессах (Ханты-Мансийск, 2002, 2006, 2010, 2015), VIII и X Сибирских чтениях (Санкт-Петербург, 2010, 2016), конференциях «Цифровые технологии в системе инноваций сферы сохранения культурного наследия» (Казань, 2010), «Современное положение коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации» (Москва, 2011), «Туристический потенциал музеев Югры», «Язык, фольклор и

традиционная культура финно-угорских народов», «Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое» (Ханты-Мансийск, 2012), «Культурное наследие Ямала: проблемы сохранения», «Сохранение традиционной культуры и хозяйствования коренных малочисленных народов Севера как фактор устойчивого развития Российской Арктики», «Экология Арктики и социокультурное развитие Российского Севера» (Салехард, 2011, 2014, 2016).

Многие направления диссертационного сочинения нашли отражение в реализации российских и международных проектов по исследованию народов и культур Западной Сибири и Урала (2003–2016), программ фундаментальных исследований Президиума РАН (2003–2014), исследовательских проектов, поддержанных грантами РНФ (2014–2016), РГНФ и РФФИ (2008–2016) (рук. — чл.-корр. РАН А. В. Головнёв), где автор выступала в роли ответственного исполнителя и эксперта.

Авторские материалы по этнической истории народов Западной Сибири были использованы при разработке концепций и создании экспозиций Музея природы и человека (Ханты-Мансийск, 2000–2007), Музея геологии, нефти и газа (Ханты-Мансийск, 2012–2013), Историко-этнографического музея г. Югорска (2014–2015). Визуальная часть исследования была апробирована на площадках Кочующего Северного кинофестиваля (Баренцбург, Шпицберген, 2009), VI–IX Российских фестивалей антропологических фильмов и I–IV Всероссийских форумов «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология» (Екатеринбург, 2009, 2011, 2013, 2015). Авторские фотоработы и собранные в ходе экспедиций фотодокументы 1930–1980-х гг. легли в основу ряда фотопроектов (2011–2016).

Материалы исследования прошли научно-практическую апробацию в ходе этнологических экспертиз культовых объектов по заданию Департаментов по делам КМНС и Служб государственной охраны объектов культурного наследия Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов (2002–2004, 2007–2011, 2016).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *Введении* дана общая характеристика работы: обоснован выбор темы и ее актуальность, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, сформулированы цели и задачи, изложены теоретико-методологические основы диссертации, аргументированы ее научная новизна и практическая значимость.

В *главе 1 «Этничность и власть в контексте колонизации Сибири»* характеризуется этнополитическая ситуация Урало-Западносибирского региона до начала и в период русско-российской колонизации с обзором и анализом сюжетов межэтнического диалога, сценариев

взаимодействия этнических сообществ, их элит и метрополии в ходе военной экспансии (XVI–XVII вв.), конфессионального давления (XVIII в.) и правового подчинения (XIX в.).

Исходные контуры этничности и власти определяются в параграфе **1.1. «Вожди угров и ненцев в фольклоре и ранних исторических источниках»**. Сопоставление данных фольклора и истории, внутреннего и внешнего взглядов на элиту выявляет соотношение двух амплуа лидеров (вождей) — внутреннего (по отношению к своим соплеменникам) и внешнего (в контактах с иноземцами). Сравнение исходных (выраженных в фольклоре) стилей лидерства обнаруживает его стабильность у угров и ситуативность у ненцев. У угров *урт* или *отыр* («богатырь», «вождь», «дух-предок») сосредоточивает в себе все функции власти, у ненцев они распределены между лидерами, называемыми *ерв* («вождь», «предводитель», «хозяин»), *тэта* («хозяин большого оленьего стада», «богач»), *серм”бэртя* («дела держащий»). У тех и других главной функцией вождя оказывается война и защита городков (у угров) и кочевий (у ненцев), при этом наиболее частым мотивом столкновений и походов является «поиск невест» (у ненцев к этому добавляется захват чужих стад оленей или охрана своих). В традициях лидерства уграм более свойственна элитарность, ненцам — эгалитарность, уграм — устойчивость, ненцам — мобильность, обеспечивавшая быстрое выдвижение вождей-воинов в условиях военного конфликта — тем самым мобильность кочевников включает и механизм мобилизации власти. Именно вожди и выполняемые ими военно-политические и религиозные функции объединяли туземные сообщества, формировали центры и границы так называемых «княжеств», родовых и этнических сообществ. Родство и свойство элит служило основой сплочения сообществ и межгрупповых связей — в этом смысле военные походы вождей и их дружин не только вызывали вражду, но и поддерживали коммуникации на обширных пространствах.

Обзор российской колонизации по ранним летописным и историческим источникам показывает, что контакты между элитами предшествовали контактам между народами, и собственно межэтническим отношениям предшествовал период межэлитарных отношений с их конкуренцией, дипломатией, военной стратегией, иерархическим поведением. Еще до «сибирского взятия» Москва в своем продвижении на северо-восток столкнулась с несколькими этнополитическими образованиями, характеризующимися строгой иерархией и сильными родственными связями, впоследствии названными по русскому образцу «княжествами». Формирование идеологии общерусского государства заключалось не только в обосновании исключительности великокняжеской власти, принятии новых титулов и символики, но и в складывании новых механизмов взаимодействия с урало-сибирскими народами. О самых ранних посещениях Москвы представителями югорской и самоедской знати сообщают архивные документы XV в. В столичный град туземные вожди попадали в качестве пленников, захваченных в ходе зауральских походов (1465, 1483, 1499/1500), или в составе дипломатических миссий

(1484, 1485), предпринимаемых по поводу вызволения из плена ближайших родственников и соплеменников. Через посредство туземных князей происходило «прирастание» земель и расширялась государева вотчина (совершалось огосударствление земель с этнически неоднородным населением), одновременно разрасталась великокняжеская (царская) титулатура.

В ходе русского (московского) продвижения за Урал туземная военная элита выступала то противником (пелымские князья), то союзником (кодские и обдорские князья) Московского государства. Тактика Москвы состояла не в войне на истребление, а в поиске союзников среди туземной знати и строительстве опорных пунктов (острогов и городков) как способе закрепления на осваиваемых территориях. С расширением географии военных московских походов туземная элита втягивается в прямой диалог с московскими государями и воеводами. Великие московские князья, усвоившие многие традиции Орды, избирают «ордынский стиль завоеваний», ордынскую модель взаимодействия и последующего правления. Жалование местных элит выглядит как раздача «ярлыков на княжение»: подтверждение владения их же вотчинами и возложение на них дани, искусное использование междоусобиц среди туземной знати.

Параграф *1.2. «Острожная колонизация и подчинение элит»* посвящен периоду, связанному с новой государственной стратегией колонизации — строительством городков в конце XVI в. и установлением полного контроля Москвы над Урало-Западносибирским пространством. Не только централизованная координация, оперативность действий и военная сила русских воевод обеспечили успех острожной колонизации Зауралья и Приобья. Не менее, если не более, значимой для утверждения новой власти была политика подчинения местных элит, включавшая методы устрашения, физического уничтожения, привлечения в союзники. Со своей стороны туземная элита пыталась не только оказывать сопротивление московским воеводам, но и использовать их в качестве силы для достижения своих целей в междоусобицах и утверждении собственного статуса.

История контактов элит началась задолго до истории контактов народов, и многие представители местной знати встречали царских ставленников как старых знакомых, а не как неведомых врагов. Цель новой власти всюду была одна и та же — обеспечение собственного господства с использованием прежних ресурсов управления, при этом набор средств ее достижения варьировался в зависимости от обстоятельств. Метрополии приходилось считаться с существованием местных элит, обладающих реальной властью над своими подданными. Самым эффективным методом установления господства был захват власти над самой элитой, для чего применялось искусство дипломатии и подчинительного/поощрительного администрирования. Русские городки, прикрепившие к себе угорские княжества и их князцов, стали исполнять роль административных центров по сбору ясака с подвластного населения и

поддержанию порядка. В истории урало-сибирской колонизации начался новый отчет: взаимодействия с Москвой четко разделилась на «до» и «после» появления русских городков.

Локальные этнополитические сюжеты имеют свою специфику и могут рассматриваться как набор сценариев (моделей) взаимодействия русской власти и туземной элиты.

- Кодский сценарий взлета и падения туземной власти — опыт военно-политического союза кодского князя Алача и его наследников с Москвой. Кода, занимавшая геополитически центральную позицию в таежном Обь-Иртышье, выступила главным союзником и проводником московской власти в Сибири, расширив собственное влияние на все пространство угорского мира, пополнившись новыми владениями в отдаленных от княжеской резиденции областях Урала и Западной Сибири. Алач и его потомки стали не просто «большими князьями», но и приобрели реальную власть, сопоставимую с полномочиями русских воевод. Однако их политический вес, возвысивший их в ходе военной кампании, по ее завершении оказался эфемерным: пользуясь удобным случаем (или спровоцировав его), российская власть избавилась от бывшего стратегического союзника, лишив Алачевых Кодского княжества.
- Пелымский сценарий уничтожения туземной элиты — ответ на стойкость потомков князя Асыки, бескомпромиссно сражавшихся с наступающими московскими войсками. Согласно специально разработанному царскому наказу, князь Аблегири и его окружение были пленены и казнены, а остатки княжеского дома удалены с Пельма.
- Ляпинский сценарий дробления туземной власти — буквальная реализация принципа «разделяй и властвуй», эффективный метод понижения статуса местных правителей с заменой их на исполнителей. Функции административного центра перешли к русскому городу Березову, преобразование власти «большого князя» Лугуя в рассеянное по волостям управление мелких князцов вызвало в качестве реакции усиление влияния «шайтанщиков» — религиозных лидеров.
- Сургутский сценарий временного союза — использование сил друг друга русскими воеводами и князем Бардаком для борьбы с общим врагом в лице Пегой Орды и ее князя Вони. Это короткое по времени и не очень результативное взаимодействие сочетало в себе кодские (альянс с русскими) и ляпинские (замещение русским городом туземного городка) черты, а в конце приобрело пелымские оттенки (в сопротивлении князя Кинемы).
- Обдорский сценарий долговременного соуправления — сотрудничество российской администрации с остяцким княжеским домом Тайшиных для совместного управления труднодоступным Заполярьем с его мобильными и вольнолюбивыми кочевниками. Князя Тайшины, несмотря на их «шатость», были для русских более удобными и доступными

партнерами, чем тундровая самоядь; в свою очередь русская поддержка укрепляла статус обдорских князей в сообществе северных остяков и самоедов.

- Самоедский сценарий мобилизации власти — реакция тундровых кочевников на государственную экспансию. Если у угров российская колонизация вызвала повсеместное (за отдельными и временными исключениями) ослабление туземной власти, то у ненцев, наоборот, — ее подъем. Появление «больших князцов» среди самоедов связано с военизацией их жизни, усилением войн и миграций по обширной тундре Евразии, появлением богатых и влиятельных оленеводов в результате «олeneводческой революции».

Взаимоотношения между Москвой и туземной политической элитой оформлялись и регулировались царскими жалованными грамотами, подтверждавшими достоинство местных князцов и дававшими право управления своими улусами (вотчинами) и ясачными людьми. Предоставление грамот широко и прочно вошло в нормативную практику российской системы управления Сибири. В конце XVII и начале XVIII в. поездки местной знати в Москву и Санкт-Петербург с целью получения или подтверждения жалованных грамот приобретают регулярный характер и становятся значимыми для укрепления полномочий и престижа туземной элиты.

В параграфе 1.3. *«Христианизация: религиозная политика и духовное лидерство»* подчеркивается, что религиозная политика всегда сопровождает экспансию метрополий. С позиции метрополии это выглядит распространением истинной веры и просвещения, для колонизируемых народов — радикальным преобразованием идентичности, связанным с подчинением новому богу и царю. Московское продвижение на Урал и в Сибирь происходило «мечом и крестом», что ярко проявилось в религиозном конфликте Стефана и Пама в конце XIV в. Внедрение христианства в Урало-Западносибирском регионе на рубеже XVI–XVII вв. началось с крещения этнополитической элиты и создания отдельных христианских центров, а в XVIII в. охватило основную массу туземного населения.

На разных этапах колонизации конфессиональная политика по-разному воздействовала на этничность и власть, и не всегда позиции туземных элит и этнических сообществ совпадали. Первыми крестились представители местной знати, а за ними следовали (иногда не без протестов) остальные соплеменники. Главным мотивом перехода в христианскую веру для туземной элиты было желание сохранить и упрочить административно-политическую власть. Конъюнктурность и формальность принятия христианства видна в том, что даже представителей крупнейших княжеских родов — Алачевых (Кода) и Тайшиных (Обдорья) — приходилось крестить повторно; православие не становилось духовной традицией княжеского дома. Под видом формального православия туземные князья покровительствовали традиционной религии и препятствовали крещению подвластных им сообществ. В этом смысле они играли роль посредников как в административной, так и в религиозной сферах.

Массовое крещение остяков и вогулов в начале XVIII в. (в результате миссионерских походов Филофея Лещинского) вызвало открытые выступления — «религиозные войны» между северными язычниками и таежными туземцами-новокрещеными, раздоры между представителями разных элитных родов. Вследствие массовой христианизации сложилась прежде не существовавшая в угорско-самодийской среде этноконфессиональная дихотомия «новокрещены — язычники». Вместе с тем религиозные конфликты вызвали усиление религиозного лидерства. При снижении политического веса местной знати выросла значимость духовных лидеров — шаманов, жрецов языческих святилищ.

Экспансия православия в традиционные верования урало-сибирских народов приводила к формированию «народного православия». Отдельные понятия новой православной веры трансформировались в сознании новокрещен, единение шло по пути приспособления предлагаемых представлений и их элементов к функционированию в существующей системе религиозно-мировоззренческих ценностей. Поклонение «русскому богу» обрело самые разнообразные формы — от классически христианских (обретение икон с его изображением, принятие крещения и паломничество в храмы по обету, празднование Николина дня) до самобытно-языческих («участие» христианских святых в Медвежьих игрищах и жертвоприношениях). Длительное сосуществование в едином пространстве двух религий привело к тому, что христианские бог и святые (Христос, Богородица, Николай Угодник, Илья-пророк) вошли в традиционные языческие пантеоны, в том числе и язычников-самоедов.

В параграфе 1.4. *«Правовая экспансия: блеск и нищета элиты»* показано, что во второй половине XVIII в. практика выдачи царских жалованных грамот туземным князьям продолжалась: представители вогульских и остяцких династий вынуждены были подтверждать свои полномочия на основании документов о признании русскими государями княжеского статуса их предков, а возникающие межклановые споры решались в столице. Однако с развитием фискальной и административно-управленческой системы выдача их ограничилась отдельными княжескими династиями, а правовая экспансия государства в XIX в., последовавшая за военным и конфессиональным наступлением предшествующих столетий, вовлекла туземную знать в российскую систему управления.

Административно-правовая реформа М. М. Сперанского (1822 г.) унифицировала управление туземцами, сгладив былые различия между княжествами и волостями, вызвав обезличивание туземной элиты. Сбор ясака приобрел для князцов и старшин смысл не только повинности, но и статуса. Имперская правовая регламентация вписала туземную знать в российскую служебно-административную иерархию. Впрочем, если угорская элита оказалась «под постоянным прицелом» власти, то самоедское мобильное лидерство осталось «неуловимым» и вызвало к жизни тактику управления «бродячими самоедами» через остяцких

князей. В Обдорской волости на протяжении большей части XIX в. продолжались драматические конфликты между остяцкими князьями Тайшиными, старшинами и мятежными вождями самоедов (Пайгол, Ваули, Пани) и российскими администраторами. При этом власть остяцких князей постепенно ограничивалась, тогда как полномочия и престиж самоедских старшин росли. Значительную роль в туземном управлении стали играть русские чиновники — как волостные, уездные и губернские, так и столичные. Обычными были их объезды-ревизии подведомственных территорий, согласования частных вопросов на местах, прямые контакты с туземцами, минуя их элиту, а иногда в конкуренции с представителями туземной знати.

Визуальные образы угорской и самоедской знати, запечатленные в рисунках и фотографиях, показывают значимость атрибутики власти, в буквальном и переносном смыслах отражая показную, внешнюю сторону туземной власти. Впрочем, внешний облик и демонстрация символов власти во все времена была обрядовой стратегией ее утверждения, и в этом смысле наряды (мода), церемониалы и даже позы представителей туземной элиты отражают ее стремление утвердиться в новых условиях.

В главе 2 «Коренные народы и их лидеры в советскую эпоху» рассматривается трансформация этничности и власти, вызванная сменой политического режима. Октябрьский переворот дал новый толчок экспансии государственности. По существу советизация означала полное переподчинение пространства империи во всех сферах, включая подавление (или коренное обновление) прежней элиты, переориентацию на новую идеологию и систему администрирования. В этом смысле она повторила те же фазы, которые прошла российская колонизация XVI — начала XX вв.: установление в Сибири новой власти состояло из военного, конфессионального (идеологического), выразившегося в кампаниях по борьбе с шаманизмом и в культурной революции, и правового, заключавшегося в ликвидации традиционных институтов туземного управления и учреждении национальных округов, этапов. Но сделано это было не за четыре столетия (как при российской колонизации Сибири), а за четыре десятилетия.

В параграфе 2.1. «Революционное “нацстроительство” (1917–1930-е гг.)» анализируются революционные преобразования XX в., ставшие для туземной элиты неожиданным и болезненным потрясением, тем более что начались они под лозунгами свержения царской власти, к которой местные лидеры так долго приспособлялись и с которой уже были прочно связаны. Если раньше политика метрополии по управлению окраинными народами реализовалась главным образом через туземную знать, то отныне она пошла в обход и против знати. При этом возник ранее не обозначавшийся конфликт между знатью и народом.

Советская эпоха лишь внешне выглядит монолитной. В действительности, особенно при взгляде с позиции коренного населения, она представляла собой череду мобилизаций, резких смен курсов, нередко противоположных друг другу. Военно-политическая экспансия,

осуществлявшаяся в ходе Гражданской войны и подавления крестьянского восстания 1921 г., завершилась утверждением власти Советов. Первое десятилетие новой власти было, с одной стороны, связано с сохранением этнической традиции, в том числе устоев управления. На начальном этапе советских преобразований туземная элита предприняла попытку удержать власть в своих руках. С другой стороны, в это время произошло усиление этничности, поскольку новая власть использовала не применявшуюся прежде стратегию опоры на «народные массы», активировав фактор и риторику «народа». Если прежде ответственность за туземные сообщества несли главным образом князцы, старшины и лучшие люди, то отныне опора идет на низы. О них заботится новая власть, из них рекрутируется новый слой управленцев. Советская власть провозглашает национальные (этнические) интересы одним из приоритетов государственной политики и инициирует ряд проектов (ликвидация прежних институтов туземного управления, создание туземных и родовых советов, национальных округов, письменности, кооперативов), в значительной мере стимулировавших социальную активность широких слоев коренного северного населения.

Десятилетие 1920-х и начало 1930-х гг. были «эпохой Комитета Севера», заложившего основу новых принципов управления и взаимодействия северных народов с государственной властью. Развернувшееся в 1920-е гг. национальное строительство представляло собой комплекс мероприятий, связанных с территориально-административным устройством, культурным и языковым развитием нерусских национальностей. Но политика, изначально направленная на поиск оптимальных форм управления туземными народами (проект Полярной республики, деятельность Комитета Севера), вскоре была свернута в связи с утверждением тоталитарного режима. «Галопирующая советизация» 1930-х гг. (или, по терминологии той эпохи, «наступление социализма по всему фронту») привела к радикальной смене институтов власти обских угров и ненцев. Если в 1920-х гг. князцы и старшины принимали активное участие в судьбе своих народов и пытались бороться за влияние в новых органах власти (советах) и хозяйственных организациях (кооперативах), то в 1930-е гг., одновременно с роспуском Комитета Севера, знать подверглась репрессиям, а «народные массы» едва успевали адаптироваться к коллективизации, раскулачиванию и культурной революции.

В параграфе 2.2. *«Культурная революция и коренизация (формирование этноэлиты советского образца)»* дается характеристика практики «выращивания» новой политической и культурной элиты из числа малых народов. Начавшаяся в 1920–1930-х гг. политико-культурная кампания по коренизации выразилась не только в подготовке национальных кадров через образование и советско-партийные школы, но и в создании национально-территориальных автономий и «национализации аппарата», внедрении языков нацменьшинств в делопроизводство, создании печатных органов и литературы на национальных языках.

Формирование национальной (этнической) элиты советского образца стало одной из главных задач Комитета Севера. Вопрос подготовки «сознательного» авангарда, способного помочь своим народам «наверстать» ход истории, решался комплексно: от ликбеза до культбаз, от школ до специальных учебных учреждений (Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, Институт народов Севера ВЦИК им. П. Г. Смидовича и др.). Ставка была сделана на молодежь. Рожденная как партийно-советская (И. Ф. Ного, Е. А. Хатанзеева), учительская (П. Е. Хатанзеев) и научно-просветительская (М. П. Вахрушева, Н. И. Терешкин) элита 1920–1940-х гг. стала пропагандистом советской идеологии, под руководством партии осуществляла функции управления в национальных регионах, стояла у истоков создания письменности на хантыйском, мансийском, ненецком языках и зарождения национальных (младописьменных) литератур.

Культурные базы — «будущие столицы северных народностей» — замыслились как образцовые пункты, нацеленные на ликвидацию неграмотности, повышение культурно-политического уровня и материально-экономического состояния туземных народностей. В реальности культбазы явились основным инструментом насаждения новых идеологических и культурных ценностей. Их основание сопоставимо с появлением в Сибири в конце XVI в. первых русских городков — форпостов российской колонизации, созданных для объясачивания и удержания в повиновении местных племен. Советскому культурно-идеологическому проекту противостояли массовая неграмотность и нежелание коренного населения терять свою этническую идентичность: появление в их землях культбаз и школ воспринималось хантами, манси и ненцами как посягательство на их верования и традиции, «превращение в русских».

В конце 1930-х гг. коренизация была свернута, власть на всех уровнях оказалась в руках партийной и советской бюрократии. Многие туземные активисты, получившие образование и советский опыт работы, вместе с другими представителями советской элиты (в том числе этнографами) были репрессированы. Тем не менее, коренизация и культурная революция привели к созданию сети культурно-образовательных учреждений (культбаз, школ-интернатов) и слоя образованных кадров из представителей национальных меньшинств (учителей, управленцев, литераторов, художников, деятелей науки).

В параграфе 2.3. «*Восстания и репрессии*» освещаются события 1930-х — начала 1940-х гг., вызванные реализацией политического курса на форсированное строительство социализма (коллективизацию и индустриализацию). Ответом на новый виток «советизации тайги и тундры» стали антисоветские выступления коренного населения Западной Сибири: Казымское восстание, смута на Тольке и Ямальская *мандалада*. В мотивации хантов и ненцев главным оставался вопрос сохранения этничности, т. е. для них это была война за традиции. В итоге в кампаниях раскулачивания, расшаманивания и подавления антисоветских мятежей

(последняя ненецкая *мандалада* была разгромлена в 1943 г.) туземная элита была подчинена и физически истреблена. В ряде случаев представителям старой элиты и членам их семей удавалось спастись только благодаря бегству в глухие края, смене имен, утаиванию своего звания. Старая элита в своем подавляющем большинстве сошла со сцены, а ее место усилиями власти стало заполняться новыми лидерами, связанными по воспитанию и интересам с советской властью.

В параграфе **2.4. «Советские мероприятия 1940-х — начала 1980-х гг. и трансформация этничности»** характеризуется взаимодействие этнических сообществ и власти в период послевоенного социализма. Преобразования 1950–1960-х гг. (укрупнение колхозов, перевод кочевников на оседлость) стали факторами вынужденного переселения из юрт и стойбищ в крупные поселения, что вело к разрушению традиционного природопользования и изменению образа жизни коренного населения (сезонные поселения потеряли актуальность; ориентация на выполнение и перевыполнение государственных планов провоцировала потребительское отношение к природе, оскудение биоресурсов привело к свертыванию традиционных отраслей хозяйства). «Укрупнение» вызвало значительные миграции внутри локальных групп и появление больших по численности и пестрых по фамильному составу селений. В результате увеличивающегося притока мигрантов крупные поселки стали многонациональными, вследствие чего значительно возросло число межэтнических браков, отмечалась прогрессирующая люмпенизация коренного населения. Система школ-интернатов, где с начала советского строительства шла борьба с «косной» этнической традицией, стала главным инструментом обновления идеологии. Двух поколений оказалось достаточно для свершения культурной (идеологической) революции, начавшейся когда-то с обрезания у хантов и манси кос (гордости угорских «богатырей», места сосредоточения их силы и обитания одной из душ). Возвращенная в интернатах советская молодежь из числа коренных народов стала проводником партийно-советских проектов.

Государство предложило малым народностям Севера рядовое место в числе «братских советских народов» и интернационализм (безнациональность). Регламентация всех сторон жизни обернулись для них вынужденным отказом от многих ценностей собственной этнической культуры. С участием новой (советской) элиты коренные народы в очередной раз адаптировались к учрежденной административно-политической системе и встретили «эпоху нефти и газа» уже в составе «советского народа».

Открытие в начале 1960-х гг. в Западной Сибири одного за другим месторождений углеродов буквально перевернуло жизнь «бесперспективного» региона и предопределило на долгий срок ведущую роль Югры и Ямала в развитии ТЭК России. Этот поворот по праву назван «нефтяной (индустриальной) революцией» Приобья, поскольку произошедшие изменения полностью преобразили не только экономику, но и социально-культурный облик края. Развитие

индустриально-сырьевого комплекса вызвало миграционный и демографический взрыв и интенсивную урбанизацию. Буровые вышки теснили коренное население со стойбищ, а новые «нефтяные» города вырастали на святилищах.

В течение всего советского периода новая когорта этноэлиты складывалась из партийно-советских лидеров и связанных с ними представителей административно-колхозного (совхозного) аппарата, но главным ее олицетворением («золотым фондом») была литературная и научная советская интеллигенция (Е. Д. Айпин, Ю. К. Вэлла, А. П. Неркаги, Л. В. Лапцуй, Ю. Н. Шесталов; Л. Е. Киселев, Е. А. Немысова, К. И. Ромбандеева и др.). Если лидеры прежней формации (до 1930–1940-х гг.) своей целью видели деятельность на благо народа, то «шестидесятники» заговорили от лица власти, которая дала им «путевку в жизнь». В период «нефтяного бума» воспевание героики открытий сибирских нефти и газа становится одним из направлений творчества мансийских, хантыйских и ненецких поэтов и писателей. Пафос героики освоения Сибири 1960–1970-х гг. сменился в стихах и прозе этнических поэтов и писателей горечью разочарования. В 1980-х гг. ряды туземной элиты пополнила научная интеллигенция (М. А. Лапина, Т. А. Молданов, Т. А. Молданова, Г. П. Сязи, Г. П. Харючи и др.), в 1990-х гг. — правоведа и политики (Н. А. Алексеева, Т. С. Гоголева, А. В. Евай, С. Н. Харючи и др.).

Советские мифы и символы, направленные на конструирование новой идентичности коренных народов Севера, стали частью их ментальной системы. Вместе с тем внутренний потенциал традиционных культур, демонстрирующих гибкость и высокую адаптивность к внешним воздействиям, позволил северным сообществам сохранить свою этнокультурную самобытность. Сокрытые под советскостью в северном колорите исконные схемы идентичности после крушения советского режима были активизированы и, обретя новые формы, направлены на мобилизацию этнического ресурса.

В главе 3 «Динамика этничности и власти в постсоветский период» определяется баланс этничности и власти в условиях современности, ставятся вопросы вариативности и ситуативности проявлений этничности и стратегий этноэлит. После полувека пребывания в советской «семье народов» и формирования новой национальной элиты советского образца коренные народы Севера и Сибири, казалось, были далеки от каких-либо проявлений национализма. Однако действительность постсоветской эпохи превзошла ожидания политиков и этнографов: коренные северяне оказались едва ли не в первых рядах борцов за демократию и права народов (прежде всего меньшинств), с готовностью адаптируясь к западным ценностям. Особенно ярко проявили себя лидеры народов Севера Западной Сибири, чему способствовала не только их относительная географическая близость к центру, многочисленность (особенно ненцев и хантов) и вовлеченность в советские управленческие структуры, но и причастность к

землепользованию в стратегических с экономической точки зрения нефтегазоносных провинциях Югры и Ямала.

В параграфе 3.1. *«Политико-правовая активность»* рассматриваются организация и деятельность региональных, федеральных и международных ассоциаций и общественных движений, представительство и позиции коренных малочисленных народов в органах власти, законотворчество и политические стратегии этнических элит.

По Конституции 1993 г. Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа были уравнены в правах с краями и областями, что в Северо-Западной Сибири обернулось долговременным и напряженным соперничеством региональных элит Тюменской области, с одной стороны, и округов, с другой. В этом противостоянии одним из основных доводов в пользу прав автономий служил статус титульных коренных народов, которым пользовались в своих целях региональные политики и нефтегазовые компании. Несмотря на двусмысленность этой риторики и скрывающейся за ней противоречивой реальности, коренные народы Ямала и Югры сохраняли и временами даже усиливали свои позиции в управленческом и правовом контексте.

Трансформация российской политической системы не привела к обновлению элит, а ограничилась преобразованием советской партийно-культурной элиты (юрист С. Н. Харючи, писатель Е. Д. Айпин, комсомольский лидер Т. Г. Гоголева). Активисты из самодийско-угорской среды, движимые идеями этнокультурного возрождения и выработки новых этнополитических стратегий, выступили инициаторами создания и идеологами ряда общественно-политических движений и организаций. Главными проводниками региональной этнической политики стали в Ханты-Мансийском а. о. — общественная организация «Спасение Югры», в Ямало-Ненецком а. о. — общественное движение «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера “Ямал — потомкам!”» и Ярсалинское районное общественное движение КМНС «Ямал». Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации — два мощных гаранта в реализации международных норм в области прав коренных малочисленных народов: арктический с активной ненецкой позицией и финно-угорский с широким представительством хантов и манси.

Поднявшаяся на пике этнического движения конца 1980-х — начала 1990-х гг. этническая элита закрепились в региональной власти, вышла на международный уровень и возглавила этнические сообщества в «борьбе» за права коренных малочисленных народов Севера (федеральное и региональные законодательства) и конструирование своих управленческих ниш на уровне округов (квотизация мест в парламентах, создание думской Ассамблеи Югры). На Ямале и в Югре сформировалась новая политическая сила (А. В. Евай, Х. М. Езынги, В. Ф. Елескин, С. Н. Харючи и др.; Е. Д. Айпин, Н. Г. Алексеева, Т. С. Гоголева, А. В. Новьюхов

и др.), влияние которой в регионах с сохранившейся традиционной культурой значительно; она выступает то в союзе, то в оппозиции региональной администрации. Благодаря менеджерской и коммерческой деятельности этническая элита активизировала связь с населением, занимающимся традиционным хозяйством (оленоводством, охотой, рыболовством), и, заявив свое право на ресурсы (прежде всего землю), политизировалась.

В период с конца 1980-х гг. до настоящего времени государственная политика по отношению к коренным малочисленным народам Севера пережила ряд трансформаций. Сегодня малочисленные народы Югры и Ямала имеют этноориентированное законодательство и свое лобби на различных уровнях власти. Политика государственного протекционизма в отношении коренных малочисленных народов в настоящее время осуществляется через принятие и реализацию целевых программ их развития на федеральном и региональном уровнях. Это фиксируется подписанием государственных контрактов не только заказчиком (соответствующим федеральным органом исполнительной власти) и администрациями северных регионов, но и представителями региональных ассоциаций коренных народов Севера. Эту процедуру можно считать шагом к переходу от патернализма к партнерству. С одной стороны, повысилось самосознание титульных народов, причем не только в качестве этнического сообщества, но и как коллективного субъекта права. С другой стороны, связанные с новым витком нефтегазового освоения Западной Сибири сокращение среды обитания и экологические проблемы, экономический кризис и рост безработицы негативно отражаются на коренном населении северных территорий.

Основная тенденция политики 1990-х и первого десятилетия 2000-х гг. в автономных округах, как и в других регионах Российского Севера, состояла в интеграции коренного населения в структуры управления на местном, региональном и арктическом уровнях. Сегодня этнические лидеры хантов, манси и ненцев представлены во всех эшелонах региональной политической иерархии Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого а. о., а также в федеральных законодательных органах власти. Нынешнюю этническую элиту представляют, прежде всего, чиновники из числа коренных малочисленных народов Севера и этническая (национальная) интеллигенция; в действие все активнее вступают молодые менеджеры постсоветского поколения.

В политических институтах на местном и на региональном уровнях сохраняются неформальные этнически окрашенные отношения. Даже негласное соперничество между Ямало-Ненецким (преимущественно «ненецким») и Ханты-Мансийским (преимущественно «угорским») автономными округами имеет этноисторическую подоплеку: «брат Ямал и сестра Югра» — негласно конкурирующие субъекты федерации. На вызовы современности этнические лидеры стремятся найти адекватные ответы с использованием общественного веса ассоциаций

коренных народов. Платформой для продвижения и одновременно защитным механизмом для нее стало международное право и поддержка международных организаций и движений (ООН, Арктический совет, финно-угорское международное общественное движение).

В последние 5–7 лет в Югре, в отличие от Ямала, наблюдается некоторое ослабление позиций представителей титульных народов в региональных институтах власти и стремление правительства округа обеспечить во властных структурах полную лояльность коренных северян. Сохраняется вероятность открытых этнических конфликтов, предотвращение которых возможно при условии координирования усилий власти (администрации губернатора, думской Ассамблеи представителей КМНС и общественной организации «Спасение Югры»), правоохранительных органов, средств массовой информации, научной и правозащитной общественности, направленных на налаживание диалога. На Ямале наиболее очевидная угроза кочевникам-оленеводам исходит сегодня от природно-климатических потрясений (зимний гололед, летняя жара), вызывающих падеж поголовья, эпизоотии, напряженность среди кочевого сообщества, а также от отчуждения пастбищ ввиду промышленного освоения территорий. Этнический потенциал активно использовался и продолжает использоваться в политической борьбе за власть и процессе регионализации.

В параграфе 3.2. *«Этнокультурные региональные символы и бренды»* рассматриваются вопросы актуализации этнокультурного наследия и выявляются наиболее устойчивые сферы использования этнокультурного потенциала. В основу региональных идеологий Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов постсоветского периода легла концепция сочетания ресурсного (нефтегазового) и этнокультурного приоритетов, позволившая рассматривать наследие коренных малочисленных народов как второй после нефти и газа стратегический ресурс социокультурного развития.

О политической значимости этнокультурного наследия свидетельствует включение этнических компонентов в официальную символику округов и формирование новой праздничной обрядности. Начавшаяся в 1997–1998 гг. «мода» на обновление региональных символов охватила многие субъекты федерации, в том числе Югру и Ямал: знаки-символы и орнаменты титульных народов были использованы в геральдике (гербы и флаги) автономных округов и значительной части районных и муниципальных образований. В 2011 г. общеугорский Вороний день законодательно утвержден в качестве окружного праздника Югры. Имеющие правовой статус геральдические символы и праздники — это не только визуальное средство идентификации, но и форма имиджевого позиционирования регионов.

В постсоветское время стало своего рода «новой традицией» использование мифологии, символов и образов коренных народов в региональном брендинге, архитектуре и дизайне. Изменение облика окружных столиц, Ханты-Мансийска и Салехарда, связано не только с

возможностями финансирования («нефтяные» деньги), но и самопозиционированием округов как центров регионов с этнической спецификой. Наиболее яркие и востребованные формы презентации этноресурса регионов — музейные экспозиции, музеи под открытым небом и этнопарки.

За последние годы в округах выросла новая генерация этнокультурных лидеров, занятых в сферах региональной науки и образования. Созданная научно-образовательная сеть направлена на подготовку и воспитание лидеров из молодежной этнической среды, готовых анализировать этнические проблемы и предлагать новые проекты, направленные на сохранение и развитие самобытности культур коренных народов.

В параграфе 3.3. *«Лидерские стратегии и проекты»* определены ценностные ориентации этнических лидеров (социальные позиции, персональные мотивы), выявлены особенности их деятельностных стратегий по сохранению этничности и тенденции развития (этнопроекты, инициативы).

Персональные стратегии этнических лидеров постсоветского периода принимают самые разные формы: от активно-практических (этнограф Т. А. Молданов, представитель муниципальной власти С. П. Куртямов) до мировоззренчески-протестных (писательница А. П. Неркаги, поэт Ю. К. Вэлла) и наблюдательно-выжидательных (молодой лидер В. Н. Анямов, хранитель святилищ Д. И. Айпин). В оленеводческой среде еще действуют традиционные формы лидерства (олeneвод Ертя Сэротэтто).

В сегодняшних позициях этнических лидеров усматриваются как политико-правовые (депутатские фракции, общественно-политические движения и организации), так и традиционные (индивидуальные философско-ментальные проекты ухода от глобализации, религиозное лидерство) варианты адаптации. Ненецкая ментальность-традиция выражается в открытых манифестациях с использованием этнических составляющих («олень президента», акции протеста с чумом перед зданием администрации) и/или «бегстве от цивилизации» и выстраивании неэтнической философии бытия; угорская — в сокрытии-замыкании, восстановлении и/или конструировании духовных и социальных сфер (попытка возрождения культово-ритуальных практик, появление новых духовных лидеров) фрагментарно сохранившейся культуры. У ненцев, главной опорой которых в сохранении этнической идентичности остается оленеводство (этносохраняющая отрасль), еще бытуют традиционные формы экономического лидерства, хотя и они представляют собой смесь разнохарактерных отношений, например, хозяйственного лидерства и уз родства с советским опытом и связями с муниципальной властью. У хантов и манси консолидация этничности и власти происходит на уровне сохранения духовной культуры (восстановления святилищ, возрождения культово-ритуальных практик, прежде всего Медвежьих игр).

В целом современные формы лидерства у обских угров и ненцев охватывают все основные сферы жизни — от международной политики и общественных движений до руководства хозяйственной деятельностью и инициатив по сохранению и возрождению культово-ритуальных традиций. Стремясь к сохранению традиционного образа жизни и культуры, элита предлагает и разрабатывает новые этнопроекты. Однако сами инициаторы проектов далеко не всегда придерживаются традиций и четко отличают традиции от новаций. В целом этнопроекты имеют не остаточный характер, а представляют собой форму самоутверждения и самореализации «новых лидеров» на поприще защиты прав коренного населения, охраны и возрождения этнокультурного наследия.

В *Заключении* диссертационного сочинения подчеркивается, что основным ракурсом проведенного исследования было соотношение этничности и власти в разные эпохи (условно обозначенные как «имперская», «советская» и «постсоветская») и во взаимодействии нескольких этнических и национально-политических (государственных) сообществ, включая урало-сибирских хантов (остяков), манси (вогулов) и ненцев (самоедов). Именно этническая элита, используя свою власть, во все времена выступала главным строителем (архитектором) этнической идентичности, равно как именно этничность (в формах сообществ и связей) представляла собой основное поле деятельности элит. Этничность часто выражается в активности лидеров. Этнические элиты играли и продолжают играть основную роль в поддержании этничности, выступали и продолжают выступать носителями стратегий и главными акторами и модераторами межэтнических и этнополитических отношений.

Политическая культура народа насыщена собственными традициями, и в этом смысле она сама по себе этнична: в ней заложено культурное (языковое, деятельностное, символическое) своеобразие властно-управленческих отношений. Платформой, объединяющей механизмы этничности и власти, у угров и самодийцев неизменно выступает родство и свойство — всеохватывающее «паутинное» родство у хантов и манси, линейно-родовое у ненцев. Этническую основу лидерства у обских угров составляет сеть родственно-свойственных связей в сочетании с тактиками защиты и самосохранения, у ненцев — богатство оленями и кочевая мобильность.

Вместе с тем политическая культура и формы власти обнаруживают высокую степень изменчивости и адаптивности к внешним воздействиям, главным из которых выступает фактор государства во всех его проявлениях, от колонизации до прямого управления. Со своей стороны, государство во всех случаях направляло основное внимание на местную этническую элиту и через нее реализовало свои управленческие стратегии. Кочевая (самодийская) и локальная (угорская) культуры по-разному адаптировались к сходным внешним влияниям, в том числе политическим.

Обнаруживающие устойчивость традиции соотношения этничности и власти сохраняются в качестве главных элементов жизни современных сообществ обских угров (хантов, манси) и самодийцев (тундровых и лесных ненцев), продолжая оказывать решающее влияние на современные политические системы и этнические процессы. Стремясь к сохранению традиции и традиционного образа жизни, этническая элита инициирует новые этнопроекты, имеющие как традиционные, так и инновационные тренды.

Основные публикации по теме диссертации

Основные положения диссертации изложены в 39 публикациях, в том числе в соавторстве, общим объемом 132,9 п.л. (общий авторский вклад — 92,7 п.л.).

Публикации в периодических изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1. **Перевалова Е. В.** «Красная» колонизация Обского Севера: революционные преобразования и этничность (1917–1930-е гг.) // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 2 (23). – С. 125–133 (0,8 п.л.).

2. **Перевалова Е. В.** Между кочек живущая женщина (культ лягушки у обских угров) // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 1 (26). – С. 119–129 (1,0 п.л.).

3. **Перевалова Е. В.** Экскурсия Б. Н. Городкова и Г. М. Дмитриева-Садовникова в долину реки Вах в 1913 году // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 121–134 (1,3 п.л.).

4. **Перевалова Е. В.** Этнокультурный потенциал Югры и Ямала: стратегии сохранения и современные формы презентации // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 4. – С. 377–390 (1,3 п.л.).

5. Головнёв А. В., Белобородов С. А., **Перевалова Е. В.**, ЭтноЭкспедиция-2011 // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 4 (33). – С. 131–135 (0,6 п.л.; авт. вклад – 0,2 п.л.).

6. **Перевалова Е. В.** Родовые «канцелярии» самоедских старшин (из практики управления туземным населением Северо-Западной Сибири в XIX в.) // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 3 (32). – С. 84–88 (0,5 п.л.).

7. **Перевалова Е. В.** Ивдельские манси: практика выживания // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 2. – С. 70–77 (0,8 п.л.).

8. **Перевалова Е. В.** Мифологизированные связи-пути локальных культур (обские угры) // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 2 (35). – С. 88–95 (0,7 п.л.).

9. **Перевалова Е. В.** Проблемы угроведения и современные тенденции развития традиционных культур // Уральский исторический вестник. – 2012. – № 4 (37). – С. 120–126 (0,6 п.л.).

10. **Перевалова Е. В.** Шерть, «медвежья присяга» и пляска с саблями // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 4 (41). – С. 120–131 (1,1 п.л.).

11. **Перевалова Е. В.** Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2 (47). – С. 39–49 (1,0 п.л.).

12. **Перевалова Е. В.** Остяко-вогульские мятежи 1930-х гг.: были и мифы // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 131–146 (1,5 п.л.).

13. **Перевалова Е. В.** Туземная элита Березовского края в рисунках и фотографиях // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 2 (33). – С. 162–172 (1,0 п.л.).

14. **Перевалова Е. В.,** Перевалова А. А., Брусницына А. Г. Сибирская одиссея Стефано Соммье // Уральский исторический вестник. – 2016. № 2 (51). – С. 79–87 (1 п.л.; авт. вклад – 0,4 п.л.).

15. Головнёв А. В., **Перевалова Е. В.,** Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 4 (53). – С. 142–148 (0,8 п.л.; авт. вклад – 0,2 п.л.).

Монографии, главы (разделы) в коллективных монографиях:

16. **Перевалова Е. В.** Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 414 с. (26,0 п.л.).

17. **Перевалова Е. В.** Обдорско-куноватские ханты; Селькупы; Открытие Ямала. Очерк истории географического изучения в XVI— начале XX вв.; Ямал в Российской империи. Исторические этюды // Ямал: грань веков и тысячелетий. – Салехард: Артвид; СПб.: Русская коллекция, 2000. – С. 143–190, 191–218, 220–251, 330–443 (20,9 п.л.).

18. Головнёв А. В., **Перевалова Е. В.** Традиционное хозяйство, календарь и хозяйственный цикл [ханты] // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – С. 79–93 (1,6 п.л.; авт. вклад – 0,8 п.л.).

19. **Перевалова Е. В.** Погребальные обряды коренного населения Северного Приобья (по этнографическим материалам); Полуийские ханты: этнографический очерк // Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Ред. Н. В. Фёдорова. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. – С. 273–286, 334–346 (2,5 п.л.).

20. **Перевалова Е. В.** Очерки этнической истории сынских хантов // Сынские ханты / Ред. А. В. Бауло. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2005. – С. 55–74 (2,0 п.л.).
21. **Перевалова Е. В.**, Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. – Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. – 352 с. (28,4 п.л.; авт. вклад – 14,0 п.л.).
22. **Перевалова Е. В.**, Фёдорова Е. Г. Этнографический очерк // Березово: (очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д. А. Редин. – Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. – С. 431–470 (4,5 п.л.; авт. вклад – 0,5 п.л.).
23. Головнёв А. В., **Перевалова Е. В.**, Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. – Екатеринбург: Альфа-принт, 2015. – 132 с. (16,5 п.л.; авт. вклад – 3,0 п.л.).

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов:

24. **Перевалова Е. В.** Обдорские князья Тайшины // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 152–190 (2,0 п.л.).
25. **Перевалова Е. В.** «Русские» в представлениях обских угров и лесных ненцев // Русские старожилы: материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – С. 97–100 (0,3 п.л.).
26. **Перевалова Е. В.** Беглецы: к истории формирования родов лесных ненцев // Самодийцы: материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. – С. 143–147 (0,3 п.л.).
27. **Перевалова Е. В.** Войны и миграции северных хантов (по материалам фольклора) // Уральский исторический вестник. – 2002. – Вып. 8. – С. 36–58 (2,2 п.л.).
28. **Перевалова Е. В.**, Карачаров К. Г. К проблеме сохранения традиционной культуры // Угры: материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск). – Тобольск: ТГИАМЗ, 2003. – С. 338–344 (0,8 п.л., авт. вклад – 0,6 п.л.).
29. **Перевалова Е. В.** «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2008. – С. 155–185 (3,0 п.л.).
30. **Перевалова Е. В.** Атых Микола-Торум (Милостивый бог Николай) // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 4 (21). – С. 119–130 (1,1 п.л.).

31. **Перевалова Е. В.** «Русский» товар в культурах обских угров и самодийцев // III Северный археологический конгресс: тез. докл. 8–13 ноября 2010 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: ИД «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 278–279 (0,2 п.л.).
32. **Перевалова Е. В.** Вежакарский культовый комплекс (трансформация традиций и перспективы сохранения) // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, проф. З. П. Соколовой. – М.: ООО «Август Борг», 2010. – С. 141–151 (1,0 п.л.).
33. **Перевалова Е. В.** Югра и Ямал: стратегия сохранения и формы презентации этнокультурного потенциала // Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште: материалы междунар. семинара 5 октября 2009 г. – Будапешт: Russica Pannonicana, 2009. – С. 106–134 (1,5 п.л.).
34. **Перевалова Е. В.** Коммуникативные пути локальных культур (обские угры) // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. – Петрозаводск: Карельский научный центр, 2011. – С. 107–108. (0,2 п.л.).
35. **Перевалова Е. В.** Традиционная культура: современные тенденции, стратегии сохранения и музеефикации // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 1 (70): материалы науч.-практ. конф. «Ямальские гуманитарные чтения». – Салехард, 2011. – С. 11–14 (0,5 п.л.).
36. **Перевалова Е. В.** VII Российский фестиваль антропологических фильмов. III Международный форум «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 113–114 (0,9 п.л.).
37. **Перевалова Е. В.** Угорско-самодийские мифы советского времени // Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште. – Будапешт: Russica Pannonicana, 2012. – Т. 2. – С. 129–151 (1,5 п.л.).
38. **Перевалова Е. В.** Проблемы и перспективы ненецкого оленеводства (Ямал: природные катаклизмы 2013–2014 годов) // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред. В. А. Тишков, А. В. Головнёв. – М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – С. 278. (0,1 п.л.).
39. Перевалова А. А., **Перевалова Е. В.** Стефано Соммье: путешествия итальянского натуралиста по Сибири и Уралу // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 154–165 (0,9 п.л.; авт. вклад – 0,5 п.л.).